

Академик Иосиф Абгарович Орбели (К 60-летию со дня рождения)

И. А. Орбели родился 8 марта ст. стиля (20/III н. с.) 1887 г. в Кутаиси, в армянской культурной семье, в которой тесно переплелась любовь к армяно-грузинской старине с лучшими традициями русской культуры.

По окончании в 1904 г. 3-й классической гимназии в Тифлисе (Тбилиси) И. А. Орбели поступил в Петербургский университет на классическое отделение историко-филологического факультета. Через несколько лет, в самый разгар занятий античностью, И. А. Орбели в 1907 г. зачислился дополнительно на армяно-грузино-персидский разряд восточного факультета, начав изучать новую специальность, которая и стала основой в его последующей научной жизни.

В те годы Петербургский университет переживал расцвет. На историко-филологическом и восточном факультетах читали лекции и вели практические занятия ученые, которыми гордится русская наука: С. А. Жебелев и, особенно, Н. Я. Марр и В. В. Бартольд, которые были непосредственными руководителями И. А. Орбели. Любимых учителей И. А. Орбели объединяло одно, весьма характерное стремление—быть в такой же мере филологами, как и историками, более того—ценить не только письменные источники, но и вещественные памятники. С первых же лет студенчества И. А. Орбели целиком захватила яркая, страстная в науке личность Н. Я. Марра. Уже в те годы это был авторитетный глава кавказоведения, сочетавший глубокую эрудицию со стремлением вывести свою область знания на новые пути исследования. Созданная им яфетическая теория с трудом пробивала себе дорогу среди косных специалистов, державшихся старых взглядов. Будучи, как и В. В. Бартольд, учеником В. Р. Розена, Н. Я. Марр вынес из его прогрессивной школы две идеи, которыми всегда руководствовался в своей научной деятельности. Первая из них—враждебное отношение к расовой теории, и вторая—взгляд, что без истории Востока не построить всемирной истории, не вскрыть до конца всех закономерностей ее развития. Особенностью научного творчества Н. Я. Марра в противоположность ученым-националистам по истории Грузии и Армении было поразительное умение найти общность в культурном развитии обеих стран, совершенно не стирая у каждой из них черт национального своеобразия. Эта умственная атмосфера не могла не передаваться ученикам Н. Я. Марра.

В годы студенчества И. А. Орбели Н. Я. Марр начал наиболее интенсивный этап своих работ по археологическому исследованию Ани—древней столицы Армении. Здесь и работал на раскопках сначала в качестве студента-практиканта, а потом и молодого исследователя И. А. Орбели в годы 1906—1913. Вскоре после создания Анийского музея древностей заведывание этим музеем было возложено на И. А. Орбели. В 1910 г. он составил образцовый каталог этого музея¹.

Наибольшее внимание Орбели привлекали все же древние армянские надписи, которые на долгое время стали в центре его занятий. И. А. Орбели сразу сумел оценить их значение в качестве первоклассного источника для исторической культуры Армении. За годы с 1913 по 1917 И. А. Орбели опубликовал на эти темы в журнале «Христианский Восток» 7 серьезных научных работ. Научная ценность надписей, как первоисточника не только для истории культуры, но и социально-экономической истории Армении, вскрыта им в его статье «Багаванский храм и его надписи»².

В 1911 г. по окончании университета и по сдаче государственных экзаменов по обоим факультетам И. А. Орбели был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Н. Я. Марр хорошо знал своего ученика, ценил в нем творческую научную инициативу и считал весьма полезной для него научную командировку в Турецкую Армению для сбора новых научных материалов. В Турецкой Армении И. А. Орбели провел год, причем большую часть этого времени проработал в Ванском вилайете. 1911 год был исключительно продуктивен. И. А. Орбели занимался как лингвист и филолог, этнограф и историк. Он изучал местные армянские наречия (в результате чего написал исследование—«Материалы для изучения мокского диалекта армянского языка» и составил словарь), собирая надписи, исследовал христианские и мусульманские памятники Ванского округа, Вана (мечеть Улу-Данали), Эразерума (медрессе Чуфд-Миноре), Баязеда (замок). На острове Ахтамар, находящемся на Ванском озере, он занимался обследованием ахтамарского храма, описывал рельеф с изображением Васпураканского царя Гагика Арцруни, строителя церкви³, в частности «модель построенной им церкви, которую царь держит на локтевой части руки».

Параллельно с этой большой и трудоемкой работой И. А. Орбели тогда же занимался, как лингвист и этнограф, местными курдами и армянами. Эти занятия породили ценное и, к сожалению, до сих пор не изданное исследование—«Материалы для изучения мокского курдского диалекта. Словарь курдско-русский и русско-курдский».

В 1913 г., на 26 году жизни, И. А. Орбели сдал магистрантские экзамены по армяно-грузинской кафедре восточного факультета Петербургского университета. С осени 1914 г. он уже был приглашен для чтения лекций по армянской эпиграфике, а также истории и археологии Армении. Университетское преподавание не приостановило его поездок с научными целями. В 1915 г. он работал над изучением армянских памятников в Крыму. В 1916 г. мы видим его в качестве самостоятельно ведущего раскопки на Ванской скале. Здесь был обнаружен ценный памятник урартской культуры: клинообразная надпись—анналы царя Сардура II. Памятник этот впоследствии был издан Н. Я. Марром вместе с отчетом И. А. Орбели в 1922 г.

За первое десятилетие своей научной деятельности И. А. Орбели накопил огромный эпиграфический материал. Он вел напряженную работу над сводом собранных им в разных пунктах Армении армянских надписей. Составляемые им сборники включали надписи из Ани, Мармашена, Мрена, Багарана, Ширахавана, Ахтамара, Оромоса, Кочика, Мецаранка, Вачара, Гандзасара, Хадара, Дади, Коша, Нор-Гетика, Агарцина, Джухтак-ванка и других мест. Им было собрано свыше 1100 надписей, большая часть которых до того была неизвестна. Издание надписей настолько увлекало И. А. Орбели, что он стал входить во все детали технического выполнения своей капитальной работы. Автор задумал сам набрать свой труд, для чего с

¹ И. А. Орбели, Каталог Анийского музея древностей. Описание предметов первого отделения. Анийская серия, № 3, С.-Петербург, 1910.

² Христианский Восток, т. V (1917).

³ И. А. Орбели, О первоначальной форме купола Ахтамарского храма, ЗВО, XXV, стр. 294.

января 1917 г. обучался наборному делу, изучая и совершенствуя армянский типографский шрифт. Интерес к типографскому делу в связи с изданием работ по арmenистике проявлялся у него и раньше, в 1914 г. он уже работал в этой области. В 1918 г. в Петрограде вышла небольшая, строго и со вкусом выполненная книжечка «Вопросы и решения вардапета Анании Ширакца, армянского математика VII в. Идал и перевел И. А. Орбели». На стр. 4 внизу значится—«Типография Российской Академии Наук. Набрал И. А. Орбели». Подготовив себя как квалифицированного наборщика, И. А. Орбели сам набрал весь текст анийских надписей. Работая, не покладая рук, над текстами любимых армянских надписей, И. А. Орбели подготовил четыре выпуска Свода армянских надписей: I. Надписи города Ани. II. Надписи Мрена и Мармашена. III. Надписи Багарана и Шираакавана. IV Надписи Гандзасара и других центров Армянской Албании. Сентябрьское наводнение 1924 г. залило водой и испортило готовые к выпуску таблицы, что приостановило на долгие годы выход в свет этого капитального труда.

Октябрьская социалистическая революция застала И. А. Орбели закончившим первый этап своей научной деятельности. К 30 годам он был уже крупнейшим специалистом, с широким научным круговоротом, ученым, интересы которого далеко выходили за пределы его кабинета. Революция сразу же предоставила ему широкое и благодарное поле деятельности. Уже в первые месяцы после Октября началась полная перестройка вузов, научных учреждений и обществ, а также музеев. Не оставляя научной работы, И. А. Орбели со свойственным ему увлечением принялся за организационную работу в этой области.

В 1918 г. он был введен в состав правления Лазаревского института в Москве для участия в деле преобразования института на новых началах. Параллельно с этим он занял в нем должность профессора по кафедре истории Переднеазиатского востока. В октябре 1918 года И. А. Орбели был избран членом Совета Государственной археологической комиссии, где под руководством Н. Я. Марра принимал деятельное участие в преобразовании заслуженной, но устаревшей Комиссии в Академию истории материальной культуры. Для будущего русской археологической науки это преобразование имело огромное принципиальное значение. Решался вопрос, какими путями должна пойти русская археологическая наука: будет ли она попрежнему продолжать только традиции веществования или станет особой ветвью исторической науки, решаящей свою проблематику на комплексе источников, в котором особое место займет вещественный памятник. Передовой группе ученых, во главе которой стоял Н. Я. Марр, удалось победить, и Государственная археологическая комиссия была преобразована в Российскую академию истории материальной культуры. В числе наиболее активных строителей последней был И. А. Орбели, избранный в августе 1919 г. (указ В. И. Ленина о создании Академии был опубликован 18 апреля 1919 г.) на должность ее действительного члена. Там на него было возложено заведывание разрядом археологии и искусства Армении и Грузии.

Одной из важнейших сторон жизни молодой Академии истории материальной культуры была ее издательская деятельность. Академическая типография переживала тогда большие затруднения. Необходимо было проявить много энергии, знания типографского и издательского дела, чтобы двинуть издания РАИМК в жизнь. Не отказываясь ни от какой организационной работы, как бы трудна она ни была, И. А. Орбели принял на себя должность заведующего издательством РАИМК и редактора ее изданий. Академия наук, наблюдая энергичную и полезную деятельность И. А. Орбели в академической типографии, избрала в 1921 г. его на пост председателя Комитета по делам академической типографии, а потом и назначила его на пост ее директора.

В 1920 г. И. А. Орбели начал работу в Эрмитаже, ученым советом которого он был избран на должность хранителя Отделения мусульманского искусства. В Эрмитаже он пришел в прямое и почти ежедневное соприкосновение с замечательными памятниками искусства Востока, которые он так любит.

И. А. Орбели пришел в Эрмитаж с убеждением, которое было подкреплено всей политикой Советской власти, что все народы равны—народы Запада и Востока, народы

большие и малые—что нужно ценить вклад каждого из них в культурную сокровищницу человечества. И. А. Орбели прилагал все старания к тому, чтобы художественные ценности Востока, а вместе с ними и проблема истории искусства Востока заняли в Эрмитаже свое достойное место наряду с величайшими и общепризнанными художественными произведениями Запада.

В Эрмитаже И. А. Орбели пришлось войти в соприкосновение с целым рядом первоклассных памятников искусства, которые не составляли его прямой специальности, а именно—художественными произведениями домусульманского времени, преимущественно сасанидскими изделиями из серебра и золота. И. А. Орбели сразу вошел в эту почти новую для себя отрасль знания, быстро изучил этот материал и нашупал основную ее проблематику. Увлечение сасанидским искусством привело его к созданию «Временной выставки сасанидских древностей», которая была устроена в Эрмитаже в 1922 г. К выставке была выпущена изданная статья, я бы сказал—объяснительная записка, в которой уже были поставлены наиболее важные вопросы о характере и происхождении этого замечательного и еще мало изученного искусства. В записке И. А. Орбели писал: «Своеобразный звериный стиль сасанидской декоровки, характерный выбор декоративных растительных тем наблюдается в равной мере и в искусстве христианских народов, поглотивших среду, пропитанную духом культуры великого царства, сметенного мусульманским завоеванием, и в произведениях народов мусульманского Востока, искусство которых, вообще, представляет собою претворение черт, свойственных культурам покоренных исламом стран»¹. Через год И. А. Орбели вновь откликнулся на тему о сасанидском искусстве. В 1923 г. им была написана интересная работа—«Сасанидское искусство», напечатанная в IV книге журнала «Восток», вышедшей в 1924 г. В статье этой И. А. Орбели искал корни сасанидского искусства не только на почве древнего Ирана, но и у соседей—в Закавказье, и «на далекой восточной окраине»². Работая в области сасанидского искусства, привлекая все большее количество фактов, И. А. Орбели постепенно создал стройную систему взглядов на его характер и происхождение, которые прочно вошли в науку. Наиболее полно эти взгляды высказаны были в предисловии к изданию «Сасанидский металл»³. Характериа многосторонность такого сложного явления, как «сасанидское искусство», авторы формулировали уже ранее установленное И. А. Орбели положение в следующем виде: «целый ряд его (сасанидского искусства.—А. Я.) черт, являясь характерным для господствующего класса феодального Ирана, возник в среде иной, и в этническом и в социальном отношении. Эти черты являются унаследованными от предшествующего этапа развития общества Ирана, да и не только Ирана. Нельзя упускать из виду, что характерные вообще для феодального Ирана черты (и не только в области искусства) были общи как для Ирана, так и для сопредельных с ним стран и, в первую очередь—восточных областей Кавказа и Малой Азии и западных областей Средней Азии, и в то же время не являлись всепокрывающими для всех без исключения районов коренного Ирана»⁴. Эта концепция была положена в основу той части выставки III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, которая посвящена была сасанидскому искусству.

Принимая все это во внимание, И. А. Орбели и предложил Эрмитажу переименовать возглавляемое им отделение в отделение Кавказа, Ирана, Средней Азии и стран мусульманского Востока, включая в это наименование памятники домусульманские, мусульманские и христианские.

Работа над организацией нового отдела в Эрмитаже оказалась делом сложным и трудным. И. А. Орбели со свойственной ему страстностью отдался делу создания

¹ И. А. Орбели, Временная выставка сасанидских древностей, Государственный Эрмитаж, Петербург, 1922, стр. 6.

² Там же, стр. 140—141.

³ И. А. Орбели и К. В. Тревер, Сасанидский металл, 1935 г.

⁴ Там же, стр. XX.

Отдела Востока. Товарищи, работающие давно под руководством И. А. Орбели над построением новой части Эрмитажа, хорошо знают, что она росла не стихийно, а по заранее составленному плану. И. А. Орбели носил мечту создания в Эрмитаже такой выставки Востока, которая могла бы показать посетителю, что памятники изобразительного искусства—не дорогие раритеты, не предметы экзотики, которые можно противополагать драгоценному искусству Запада и античности, но подлинные предметы искусства, рожденные своеобразием пути исторического развития Востока. Осуществление этой задачи нашло в среде Эрмитажа поддержку немногих, но весьма авторитетных ученых и хранителей—прежде всего О. Ф. Вальдгауера, заведующего Античным отделом Эрмитажа, и А. А. Ильина, крупнейшего в СССР нумизмата. В научный состав Эрмитажа 20-х гг. входило немало консервативных сил, которые считали, что развертывание нового отдела в Эрмитаже нарушит традиции высокого искусства, которыми славился Эрмитаж. На преодоление сопротивления новому начинанию приходилось тратить много сил и нервов.

Вторая трудность, которую предстояло годами преодолевать,—это сравнительно с задачами малое количество (правда, первоклассных) памятников, необходимых для построения Отдела Востока, как крупного музеиного и научного раздела. И. А. Орбели прекрасно знал, что в одном Ленинграде за пределами самого Эрмитажа находятся многие сотни и даже тысячи ценнейших предметов художественного ремесла Востока, а сколько их было в частных собраниях и небольших провинциальных музеях! Получить все эти предметы не только для пользования, но и хранения в Эрмитаже было делом исключительно трудным. Нужна была воля, энергия, умение и особенно настойчивость, требовавшие всех сил и большого самопожертвования.

В 1924 г. И. А. Орбели за выдающиеся научные заслуги был избран членом-корреспондентом Российской Академии Наук.

В росте Отдела Востока особую роль сыграли его выставки. На каждом новом этапе работы нужно было решить ту или иную научную задачу, а уровень наших знаний в области истории изобразительного искусства и материальной культуры Переднеазиатского Востока в то время требовал от А. И. Орбели и его сотрудников творческой научной, а не только организационной, в музейном смысле, работы. В период 1924—1925 гг. И. А. Орбели особенно остро осознал необходимость изучить памятники мусульманской феодальной культуры и искусства с точки зрения выявления их художественно-технических особенностей. Для И. А. Орбели эти годы были временем напряженной научно-исследовательской работы именно в Эрмитаже. Имея большой вкус и большие знания в технике художественного ремесла, особенно в области изготовления изделий из металла, И. А. Орбели сделал много ценных наблюдений, дающих ему возможность не только научно классифицировать материал, но и решать вопросы культурных влияний и взаимодействий. На почве этих исследований создались те ценные курсы, которые он читал начинающим работать над этим материалом. Эти его лекции прочно легли в основу дальнейших эрмитажных экспозиций и незаметно перешли от учителя к его ученикам и помощникам в музейной работе. Первой из выставок, посвященных технике и декорированию памятников изобразительного искусства Востока, была выставка «Мусульманские изразцы», устроенная в 1923 г. и привлекшая к себе большое внимание. К выставке этой И. А. Орбели написал исследование «Мусульманские изразцы», в котором был ряд ценных наблюдений и выводов, прочно вошедших в науку. Только после решения поставленных на выставке 1923 г. вопросов можно было готовиться к большой комплексной выставке.

Выставка 1926 г. включила в качестве экспонатов разнообразные памятники феодальной эпохи Кавказа, Ирана и Средней Азии XII—XVII вв., известные в науке под именем мусульманских. И. А. Орбели, будучи учеником Н. Я. Марра, давно уже считал этот термин условным. «Чем углубленнее ведется,—писал он в статье к выставке,—изучение мусульманских памятников, тем яснее становится, как трудно провести черту между мусульманской и немусульманской средой и бытом в странах, где бок-о-бок существовали два воинствующих вероучения—ислам и христианство и где по существу в одних и тех же формах развивалась поэзия и изобразительное искусство (и тем более,

искусство прикладное), росшие на крепких корнях, окрепших задолго до возникновения этих вероучений»¹.

Во второй половине 20-х гг. Эрмитаж, благодаря исключительной энергии И. А. Орбели, значительно пополнил свои восточные собрания. В 1925 г. в него вошли замечательные фонды бывшего музея Штиглица, а в последующие годы коллекции Русского музея, Музея антропологии и этнографии АН СССР, Общества поощрения художеств и из других мест. Собрания Эрмитажа по разделу Востока росли быстро, и все увеличивающийся коллектив научных сотрудников едва успевал включать в свои инвентарии и научно осваивать наиболее ценные памятники.

В 1931 г. И. А. Орбели была выпущена статья «О классовых корнях некоторых традиций исторической науки»². Написанная горячо, умно и злободневно в обстановке обостренной классовой борьбы в нашей стране, статья И. А. Орбели напоминала, что европейская наука все еще проникнута «отношением к Востоку, как объекту колониальной политики, и к его культуре, ко всему, что его характеризует, как к явлению низшему, наблюдаемому свысока, но не лишенному своеобразной прелести и экзотического пряного аромата»³. Статья напоминает, что надо смотреть в глубь общественных отношений, предлагает связывать явления искусства не только формально с господствующей идеологией общества (в средние века обязательно религиозной), но и с классовой природой среды, их породившей.

Первый опыт большой выставки Востока, расположенной в десятках зал и законченной уже в 1931 г., дал много положительного. И. А. Орбели, как руководитель, исходил при организации выставки из правильного положения, что еще рано устраивать экспозиции по отдельным странам Востока. Многие памятники Закавказья, Ирана, Сирии, Средней Азии, Малой Азии и других мест, выставленные вместе, могли быть легче изучены с точки зрения места и времени их происхождения. Выставка эта, с изменениями и переделками, просуществовала вплоть до 1935 г., т. е. до III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии.

В 1934 г., когда в основном уже была закончена организация огромного Отдела Востока Государственного Эрмитажа и создан в большинстве своем молодой, но хорошо подготовленный коллектив специалистов-востоковедов, И. А. Орбели получил назначение на пост директора Эрмитажа.

Начало деятельности И. А. Орбели как директора совпало с подготовкой к организации в Ленинграде III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. И. А. Орбели является в этой области знания одним из самых крупных авторитетов в международном масштабе, вот почему он стал в СССР председателем оргкомитета Конгресса, а затем и одним из председателей последнего. Одной из важнейших сторон III Международного конгресса была выставка, замечательная по богатству своих экспонатов. Эрмитаж вправе был гордиться, что лучшая и наибольшая часть экспонатов принадлежала собраниям самого Эрмитажа, несмотря на то, что зарубежные страны охотно посыпали свои собрания. Еще более ценным было, что передовые идеи Отдела Востока, выросшие на почве марксистско-ленинской методологии, легли в основу выставки и по-новому осветили для зарубежных участников проблему иранского искусства.

Советская наука пользовалась на этой сессии большим авторитетом, что было признано всеми. Много труда, внимания, редакторского и издательского таланта вложил И. А. Орбели в «Труды III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии», monumentalное издание, вышедшее в 1939 г., серьезное по содержанию и оформлению.

Летом 1935 г. И. А. Орбели как выдающийся ученый был избран действительным членом Академии Наук СССР.

¹ И. А. Орбели, Мусульманский Восток, Выставка 1925 г., изд. Эрмитажа, стр. 4.

² Сообщения ГАИМК, 1931, № 1, стр. 13 сл.

³ Там же, стр. 13.

В 30-х гг. прошло несколько юбилейных дат великих писателей и поэтов у народов, входящих в наш братский Союз: юбилей Пушкина, Шота Руставели, эпоса «Давид Сасунский», Низами и Навои. Руководители Партии и Правительства оценили эти даты как великие средства упрочения дружбы между нашими народами. И. А. Орбели горячо откликнулся на них, как крупнейший ученый востоковед. Эрмитаж стал одним из важных центров подготовки этих юбилеев.

В 1934 г. весь культурный мир отметил 1000-летие со дня рождения великого поэта Ирана Фердоуси. Голос советских ученых и писателей прозвучал на этом культурном правднике наиболее авторитетно. Руководя в Ленинграде организацией юбилея, И. А. Орбели провел издание сборника в честь Фердоуси, выставку и научную сессию. Он сделал научный доклад о Фердоуси на торжественном заседании в Москве в зале Большого театра, а затем, будучи в составе советской делегации, доклад в Тегеране.

Находясь в курсе всех археологических работ на Востоке, особенно в Закавказье, И. А. Орбели возглавил летом 1936 г. археологическую экспедицию в Армению. Здесь он производил раскопки в Анберде, где изучал развалины замечательного замка VIII—XIII вв.

Особенно много сил, любви, знаний проявил И. А. Орбели при организации научных юбилеев Шота Руставели и эпоса «Давид Сасунский».

По инициативе и плану И. А. Орбели были в Эрмитаже устроены прекрасные выставки эпохи Шота Руставели, т. е. времени второй половины XII в. На выставке показано, какочно в культурном отношении связано было тогда все Закавказье—Грузия, Армения и Азербайджан, и какое на самом деле это было блестящее время в области культуры даже в условиях феодального общества.

Кроме большой выставки, под редакцией и с предисловием И. А. Орбели выпущен был в Ленинграде русский перевод величайшей поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», с прекрасными иллюстрациями художника Кобуладзе. Тогда же по инициативе И. А. Орбели и под его редакцией выпущен был сборник—«Памятники эпохи Руставели». В этом сборнике И. А. Орбели поместил восемь своих статей. Все работы И. А. Орбели в данном сборнике ярко показывают культурную среду (быт, идеологию, художественные вкусы), в которой жил Шота Руставели и действовали его герои. В обобщенном виде эту культурную среду И. А. Орбели вскрыл в введении к сборнику. Между прочим, здесь, как и в других работах, посвященных великому грузинскому поэту, И. А. Орбели главным образом выделял положение, что «Руставели—певец верности в дружбе»¹.

Ему пришлось также взяться за работу по изданию эпоса «Давид Сасунский» на армянском и русском языках. Русский перевод эпоса И. А. Орбели снабдил большим предисловием, представляющим глубокое исследование, одну из лучших работ его как арmenиста—историка культуры и филолога. «Развитие основной нити эпоса, — пишет он, — это ход перевоплощения в подлинного человека тех сил природы, которые на заре сложения человеческого мышления стали принимать звериные или очеловеченные формы. Каждое следующее поколение героев все ближе к земле, все ближе к облику земного человека»².

Общеизвестно, какого совершенства достиг И. А. Орбели, с издательской точки зрения, при выпуске этой книги. Мы получили в 1939 г. одно из лучших изданий своего времени. Кто видел тогда И. А. Орбели за работой над «Давидом Сасунским», знает, что его наблюдательный глаз не пропускал ни одной мелочи.

В 1940 г. И. А. Орбели был избран за свои выдающиеся заслуги действительным членом Академии Архитектуры СССР.

¹ И. А. Орбели, Памятники эпохи Руставели, Л., 1938, стр. 11.

² И. А. Орбели, Давид Сасунский. Армянский народный эпос, 1939, М.—Л., стр. XXV.

Лицо, стоящее во главе гигантского учреждения, хранящего в своих стенах неисчислимые культурные и материальные ценности, когда надвинулась опасность войны, не могло не думать о судьбе вверенных ему национальных богатств. И. А. Орбели задолго до фактической эвакуации тщательно обдумывал все возможные варианты последней, хорошо сознавая, что вывоз вещей требует такой предварительной организации, которая предусмотрела бы не только все виды необходимой тары и упаковочного материала, не только формы и способы укладки памятников, но и все списки с делением предметов по категориям их научной ценности и очередности их эвакуации. Надо было проделать и предусмотреть все детали этой сложной работы. Когда фашистская Германия подло, без объявления войны, вторглась в наши пределы, И. А. Орбели немедленно, по заранее продуманному плану, приступил к эвакуации Эрмитажа. Первый эшелон был подготовлен и отправлен в течение всего только восьми дней, т. е. в конце июня 1941 г. В эти дни И. А. Орбели всегда появлялся там, где было трудно. Всегда на ногах, не только днем, но и ночью, часто без пищи, он проявлял столько бодрости и самопожертвования, что увлекал личным примером свой коллектив. Так отправлены были два эшелона, большая часть Эрмитажа, все его наиболее ценные собрания.

И. А. Орбели не счел для себя возможным покинуть оставшуюся часть Эрмитажа и все еще значительный коллектив его сотрудников, не мог оставить в беде и любимого города. Тяжелая блокадная зима 1941—1942 гг. была временем, когда особенно ярко проявлялись настоящие качества человека. И. А. Орбели оказался подлинным капитаном вверенного ему судна. Будучи тогда больным (его давно уже ждал операционный стол), он нашел в себе много сил, чтобы думать только об интересах любимой родины, об Эрмитаже, о сотрудниках и, наконец, о научных работниках других учреждений. Я не могу сегодня перечислить все, что было им сделано в тяжелые месяцы блокады. В голодные и холодные дни он сохранял имущество пригородных дворцов, заботился о вывозе ценных рукописей Академии Наук СССР, брал на хранение в Эрмитаж рукописи и библиотеки.

В самом Эрмитаже, в его сухих подвалах, было устроено бомбоубежище, где находили свет, воду и даже постель не только сотрудники Эрмитажа и их семьи, но и научные работники других учреждений и жители ближайших районов. В этих тяжелых условиях И. А. Орбели не прекращал своей научно-исследовательской работы, продолжая заниматься курдским словарем и подготовкой к юбилеям Низами и Навои. Оба юбилея были проведены в Эрмитаже, из них научное заседание, посвященное памяти Навои,—10 декабря 1941. На заседаниях этих прочтены были ценные доклады, которые по напечатании займут свое достойное место в науке. В продолжении научной работы в обстановке блокадной зимы И. А. Орбели видел глубокий смысл. Пусть знает весь культурный мир стойкость духа ленинградских ученых, которые не только держат крепко оборону, но и продолжают научную деятельность. Придавал И. А. Орбели этой работе и большое воспитательное значение, она вливала бодрость в окружающих его научных работников.

В Ленинграде хорошо помнят яркие патриотические его выступления по радио, в воинских частях и военных кораблях. В блокадном Ленинграде, в героических делах его населения И. А. Орбели нашел ту моральную силу, которая сказалась в его замечательном свидетельском выступлении на Нюрнбергском процессе, которое фактически было обвинительной речью.

Патриотическая деятельность И. А. Орбели высоко была оценена Правительством СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая 1944 г. гласит:

«За самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады г. Ленинграда научных и культурных ценностей в институтах, музеях и библиотеках Академии Наук СССР, являющихся национальным богатством страны, наградить Орденом Ленина—Орбели Иосифа Абгаровича, академика».

Оставил И. А. Орбели Ленинград по настоянию руководящих лиц героического города, серьезно опасавшихся за его здоровье. Выехал он из Ленинграда 31 марта 1942 г.

Два года с небольшим провел И. А. Орбели в столице Армении—Ереване. Быстро поправляясь после серьезной операции, он принял на новом месте за привычную

научную и научно-организационную работу. И. А. Орбели был уже несколько лет авторитетным председателем Армянского Филиала Академии Наук СССР. С его приездом научная жизнь Еревана быстро оживилась. И. А. Орбели взял курс на превращение Филиала Академии в Академию Наук Армянской ССР. В конце 1943 г. указом Правительства была учреждена Армянская Академия, и И. А. Орбели стал ее действительным членом и первым президентом.

Не переставая научно работать, И. А. Орбели и здесь горячо откликался на нужды фронта. Весь свой горячий патриотизм он вложил в дело помощи Красной Армии и фронту. Свое яркое слово, свои большие знания он вкладывал в речи, доклады, которые приходилось делать бойцам, офицерам и генералам Кавказского фронта.

В начале 1944 г. И. А. Орбели одним из первых научных работников вернулся в освобожденный Ленинград. Вновь началась кипучая деятельность И. А. Орбели в Эрмитаже, на этот раз по подготовке к реэвакуации великого Музея. Все мы хорошо помним, как блестяще руководил осенью в 1945 г. И. А. Орбели восстановлением Эрмитажа. 60 лучших зал Эрмитажа были открыты 4 ноября 1945 г., т. е. через 22 дня после прибытия эшелонов из Свердловска.

Вместе с восстановлением музея И. А. Орбели вел напряженную работу как ученый исследователь: он написал большой труд об Ахтамарском храме и закончил работу по изданию армянских басен, которое в ближайшее время выйдет в свет.

Имя И. А. Орбели популярно в нашей стране, его ценят и любят не только как крупнейшего ученого, но и как замечательного общественного деятеля, советского патриота. Ценят И. А. Орбели и на Востоке. Ученый мир Ирана дважды почтил его: один раз избранием в почетные профессора Тегеранского университета еще в 1935 г., а затем—избранием в почетные члены Иранской Академии Наук в 1945 г.

Сегодня И. А. Орбели в расцвете своих творческих сил. Пожелаем же ему здоровья и долгих, долгих лет на благо советской науки, в которую он так много вложил своего таланта, сил и любви к родине.

Проф. А. Якубовский